

Чехи в Москве 1930-х годов. Два мира Иржи Вайля и Яна Вайсса

С начала 2000-х годов чешские историки активно стали заниматься темой преследования чехов и граждан Чехословакии в СССР. Мечислав Борак (1945–2017), профессор Силезского университета (г. Опава), начал свои исследования одним из первых уже в 1990-е годы, с тех пор он работал во многих архивах в России и Украине, много лет посвятил изучению этой проблематики. При непосредственном участии Борака была создана обширная база данных «Чешские следы в ГУЛАГе», сняты документальные фильмы «Преступление по имени Катынь» (*Zločin jménem Katyň*, 2007) и «Замолчанные казни» (*Zatajené popravy*, 2008). Борак публиковал биографии найденных жертв. В 2003 г. вышел изданный Институтом современной истории АН ЧР сборник «Преследование граждан с территории сегодняшней Чешской республики в СССР» (*Borák M. a kol. Perzekuce občanů z území dnešní České republiky v SSSR. Sborník studií. Praha, Ústav pro soudobé dějiny AV ČR, 2003*), а в 2013 г. увидела свет его книга «Московские захоронения. Чехи и чехословацкие граждане, казненные в Москве в 1922–1953 гг.», в которой опубликованы биографии более ста чехов, репрессированных в годы Советской власти. (*Moskevská pohřebiště. Češi a českoslovenští občané popravení v Moskvě v letech 1922–1953. Slezská univerzita v Opavě, Fakulta veřejných politik. Opava, 2013*).

Если говорить о гражданах Чехословакии в ее довоенных границах (включая Словакию и Карпатскую Русь), политическим репрессиям в СССР, по оценке М. Борака, подверглись около 30 000 человек. Большая часть репрессированных была родом из Закарпатья. В результате 15-летних исследований ученому и его коллегам удалось собрать данные о 4500 жертвах. Эти цифры огромны — за те же годы в самой Чехословакии

по политическим мотивам было казнено около 230 человек. Чешские граждане (около 100 человек) покоятся в пяти местах захоронений жертв репрессий в Москве. В Бутово в числе 20 000 репрессированных похоронены 64 чеха, на кладбище «Коммунарка» — могилы 15 чехов¹.

Помимо недавно ушедшего М. Борака темой также усиленно занимались С. Кокошка, Д. Янак, З. Йирасек, Э. Топинка и другие чешские исследователи. Борак не только собирал информацию, составлял биографии репрессированных, но и добился конкретных действий по увековечиванию их памяти. Им была подана заявка на установку памятного знака одному из репрессированных чехов — Леониду Карловичу Фрчеку. В результате 20 декабря 2015 г. в Москве были установлены мемориальные знаки чеху Фрчеку (а также немцу Гуго Марку) на доме по адресу: Арбат, 51 (бывший Доходный дом В.П. Панюшева) — таблички «Последнего адреса». Это проект, осуществленный в результате гражданской инициативы, направленной на увековечивание памяти о людях, подвергшихся политическим репрессиям в годы советской власти. На стене дома, из которого в своё время увели человека, устанавливается маленькая, размером с ладонь, мемориальная табличка. Каждый такой знак посвящен одному человеку. Принцип проекта — «Одно имя, одна жизнь, один знак».

Судьба Леонида Фрчека трагична и достаточно типична для того страшного времени «большого террора». Он родился в 1904 г. в городе Влоцлавек Варшавской губернии. Его отец, чех, в 1890 г. в возрасте 16 лет тайно покинул Чехию и уехал в Варшаву, которая находилась тогда в составе Российской империи. Был музыкантом и дирижером. Женится на русской. Судьба занесла его в Саратов, где в 1910 г. он умер. Семья осталась без средств к существованию. В 1921 г. Леонид поступил в Московский институт востоковедения, изучал также французский и итальянский языки. Отслужив в армии в 1930–1931 гг., работал переводчиком в Научно-испытательном институте военно-воздушных сил РККА. Затем Фрчек был помощником заведующего библиотекой Академии коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской (в 1934 г. Академия была переведена из

Москвы в Ленинград и преобразована в Коммунистический педагогический институт им. Крупской). В 1934—1936 гг. являлся личным секретарем генерала Умберто Нобиле, который в качестве признанного специалиста с согласия Муссолини в 1932—1936 гг. помогал развивать дирижаблестроение в Советском Союзе. Леонид работал также переводчиком с французского языка в советском журнале «Медицинская паразитология и паразитарные болезни» и внештатным литературным сотрудником издательства «Северный морской путь». Был беспартийным, имел советское гражданство, жил в Москве на Арбате. Основанием для его ареста послужило подозрение в шпионаже по данным НКВД, приводимым в «Открытом списке»*: «...в Москве у него широкий круг знакомых среди граждан иностранных государств, и в своей квартире он часто принимает иностранных туристов, приезжающих из Италии»². Леонид Фрчек был арестован 17 марта 1938 г. В ходе следствия он, в конце концов, признал свою вину в том, что во время работы у инженера Нобиле его завербовал агент итальянской разведки инженер Трояни. Чех, якобы, продолжал передавать итальянской разведке сведения о дирижаблестроении в СССР и после того, как резидента Трояни сменил Сегалино. Комиссией НКВД и Прокурора Союза ССР 25 мая 1938 г. Фрчек был приговорен к высшей мере наказания и 7 июня 1938 г. расстрелян. Никаких объективных доказательств его шпионской деятельности не было обнаружено, так что было предложено прекратить дело за недоказанностью. 4 августа 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР утвердила постановление, и Фрчек был реабилитирован.

Леонид Фрчек — лишь одна из многих жертв. Историки делают очень важную работу по увековечиванию памяти невинно осужденных, она продолжается. Исследователи имеют дело с архивными документами и публикациями, дающими представление о времени, в котором они создавались. Иногда этих материалов мало или к ним нет доступа, и это может снижать достоверность исторического анализа. А еще есть художествен-

* «Открытый список» представляет собой сайт, где собрана самая полная база данных жертв политических репрессий в СССР (1917—1991 гг.). Построен он по принципу «Википедии». Пользователи сайта и профессиональные исследователи добавляют в список новые имена, а также дополняют уже существующие справки.

ная литература, в которой прослеживаются судьбы конкретных людей, их душевное состояние, побуждения и чувства, их заблуждения, надежды и разочарования. Там может иметь место вымысел, но тем не менее содержится много ценных сведений.

Существуют разные произведения об эпохе 1930-х годов, свидетельства о том, как жила в те годы Москва. Уникальными являются романы двух авторов, увидевших жизнь города и страны совершенно по-разному, их судьбы и жизненный опыт тоже отличались. Речь идет о чешских романах, вышедших абсолютно независимо, одновременно, в 1937 г.: «Спящий в зодиаке» Яна Вайсса и «Москва-граница» Иржи Вайля.

Иржи Вайль (1900–1959) родился в семье фабриканта, которого разорила Первая мировая война. Обучался он в университете, где вместе с единомышленниками основал организацию коммунистической молодежи. Вайль был убежден, что в Стране Советов строят справедливую жизнь, и своей профессией избрал русскую литературу. Его докторская работа была посвящена связям произведений Н. В. Гоголя с английским романом XVIII века. Первые его переводы — это стихи В. В. Маяковского и роман Всеволода Иванова и Виктора Шкловского «Иприт». В 1922 г. Вайль с группой молодежи впервые посетил Советский Союз. По возвращении стал работать в пресс-отделе советской миссии в Праге. Вместе с тем он усердно переводил труды теоретиков русской школы формализма, произведения В. Я. Брюсова, В. А. Сологуба, М. М. Зощенко, С. И. Кирсанова, Э. Г. Багрицкого, Б. Л. Пастернака и В. Э. Мейерхольда. Появились его книги — «Русская революционная литература» (1924) и «Культурная работа новой России» (1924). В 1927 г. он был пражским гидом Маяковского. Вайль также много писал о чешском театре и кино, читал лекции студентам, вел жизнь левого интеллектуала, как и многие известные творческие люди в Чехословакии тех лет, увлекавшиеся советским авангардом. В 1931 г. Вайль вместе с Ю. Фучиком редактировал журнал «Творчество» («*Tvorba*»)*, издал серию книг «Советские авторы». В 1933 г.

* Левый прокоммунистический журнал по литературе и литературной критике, выходивший в 1925–1938 гг. Под тем же названием позднее издавался еженедельник культуры, орган компартии (1945–1962), а в эпоху «нормализации» как обновленный рупор официальной культуры (1969–1991).

он был приглашен на работу в издательство Коминтерна в качестве переводчика марксистской литературы и журналиста. В 1934–1935 гг. Вайль стал свидетелем партийных «чисток» и политических процессов, начавшихся после убийства С.М. Кирова. В 1935 г. сам стал жертвой оговора, его исключили из компартии Чехословакии за «уклонизм» и послали на перевоспитание и исправление в Киргизию, а оттуда в Казахстан на строительство Балхашстроя. Через полгода ему было разрешено вернуться в Чехословакию.

Пережитое в Советском Союзе Вайль и описал в романе «Москва-граница» (вышел в переводе на русский в 2002 г.; перевод и предисловие — Ю. Преснякова). Вайлю повезло: ему разрешили вернуться в Чехословакию. А вот «прототипов Ри и Роберта, его главных героев, оставшихся работать в Москве, без труда вычислили, и это стоило им жизни»³. Герои Вайля — интеллигенты, оторвавшиеся от своих корней, готовые отказаться от собственной личности ради высокой идеи. Они приехали в Москву, но потерпели крах. Бесчеловечная безжалостная система, винтиками которой они стремились стать, отвергла их.

Какой предстала Москва 1933–1934 гг., увиденная глазами иностранца Вайля, знавшего город хорошо и не понаслышке? Сумрачной, холодной, пугающей, здесь даже воздух, которым дышат герои, внушает ужас. Его героине Ри, едущей в Москву на поезде, еще на территории Польши советуют: «Здесь кончается Европа, купи себе апельсинов, там, в ледяной азиатской Москве, ты их больше никогда не отведаешь»⁴. «В Москве нет таксомоторов, а если и попадаются, то поймать их невозможно, а ехать в какой-то грязной колымаге, которая называется “извозчик”, Ри не хочет»⁵. Вот, что она видит на московских улицах: «Люди были одеты как-то странно, совсем не по-европейски»⁶. «Почти все в галошах и с непокрытыми головами. В морозящем дожде их лица казались Ри мрачными и безрадостными, словно какой-то чужак нанял их, чтобы они бегали, удирали, спешили сесть в трамваи и автобусы, и теперь они честно стараются выполнить свою задачу, свой тяжкий и утомительный труд»⁷. Ри заверяют ее знакомые, что в Москве ей понравится, особенно «Инснаб», магазин для иностранцев, —

там есть всё, горы продуктов по фантастически дешевым ценам и столько прекрасных вещей, какие можно найти еще разве что в «Торгсине», где всё продается за золото. «...в обычаях этого странного города, где в домах, построенных русскими, нельзя жить русским, и где нужно оберегать иностранцев от посещения русских»⁸. Увидев Красную площадь, Ри приходит в ужас: «...Это была Азия, опять этот коварный враг, внушающий ей ужас: башни, зубчатая кремлевская стена, а под нею мавзолей Ленина... А чуть подальше — драконий замок из страшной сказки, ночной кошмар, полыхающий всеми красками, — храм Василия Блаженного ... этот храм пугает ее сильнее всего. Он кричит на нее всеми красками мира в невысказанных чудовищных комбинациях. Ри кажется, что он затягивает ее куда-то в пропасть, где приходит конец всякой гармонии и наступает хаос...»⁹. Чешка тяжело переносит московскую зиму; от того, что люди одеваются теплее, усиливается давка в трамваях, люди занимают больше места. Здесь постоянный шум от этих трамваев, которые только в Москве ездят так шумно. И так далее в том же роде...

Такой образ города воссоздан в романе Вайля. Ю. Фучик, видный деятель КПЧ, который в период «чисток» после смерти Кирова помог Вайлю избежать худшей кары и посетил его, когда тот был выслан в Казахстан, по личному заданию руководителя чешских коммунистов К. Готвальда написал на роман Вайля о Москве, городе «на морально-политической границе между Европой и Азией» (так расшифровывается название книги), резко отрицательную рецензию под названием «Бабьи сплетни как роман о Москве», опубликованную в «Творбе» 31 декабря 1938 г. Продолжение романа «Москва-граница», «Деревянная ложка», Вайль уже не пытался издать на родине, так как Чехия оказалась под угрозой гитлеровской оккупации, и писатель не стал публиковать роман, критический по отношению к Советскому Союзу. В 1948 г. к власти в Чехословакии пришли коммунисты и взялись за Вайля. Его книги были запрещены, и сам он был изгнан из Союза писателей Чехословакии. В 1956 г. был снова в него принят, написал ряд интересных произведений, но в 1959 г. скончался от лейкемии.

Роман «Деревянная ложка» появился в самиздате лишь в 1978 г., а легально был издан только в 1992 г. В нем снова появляется герой книги «Москва-граница» чешский журналист и переводчик Ян Фишер (alter ego писателя). Это тот, кто изо всех сил старался влиться в московскую жизнь, но так и не смог. Чувство вины не покидает его: вместо энтузиазма и прилива энергии он чувствует усталость, а позже и отвращение к своей работе в издательстве Коминтерна. В эту страну Фишер приехал как гость и другом для нее не стал. Он не проливал кровь за нее, не умирал от тифа, голода и холода, он был всего лишь гостем и хотел купить любовь этой страны своей работой, добросовестным посещением собраний и кружков... Но любовь нельзя купить, и страна стала ему чужой, недружелюбной, она отбросила его, как ненужную ветошь. Естественно, такие настроения героя замечены коллективом, и вот уже Фишера на партсобрании обвиняют в принадлежности к левой оппозиции, и он с ужасом ощущает свою вину, хотя ни в чем не повинен. В «Деревянной ложке» мы встречаемся с Фишером в последний вечер его пребывания в Москве, когда у него уже нет ни жилья, ни денег, ни друзей, только билет на поезд в ссылку — в Казахстан. «Сидеть последний вечер в московском кафе... какая бессмыслица и глупость отдать последние четыре рубля за глоток кофе с маленьким пирожным — впрочем, вокруг него всё бессмысленно: и Москва, убегаящая в бесконечность, и вооруженные люди в штатском, сражающиеся с невидимым врагом. Бессмысленна и жизнь, которая уже ему не принадлежит, которую он проиграл и потерял... Было много рук, взметнувшихся вверх, как при присяге, когда голосовали за его исключение из партии и строгое наказание. Были среди них и руки, сжатые в кулак, как символ мести, были и руки нерешительные, и механически поднятые в силу привычки... Завтра начинается путь: семь дней и семь ночей в город Алма-Ата. И соленое озеро Балхаш»¹⁰.

Из героев «Москвы-границы» в «Деревянную ложку» переходит и другой репрессированный — молодой венский коммунист, тоже исключенный из партии на московском станкостроительном заводе — высококвалифицированный рабочий Тони Штрикер. Он приехал в Москву, потеряв работу в Вене; работа

для него — главное в жизни, как и для молодого врача Лиды, чешки, выросшей в Киргизии в чешской колонии — кооперативе Интергельпо. Самый интересный персонаж «Деревянной ложки» — старый большевик Александр Александрович. В молодости он разошелся с родителями — богатыми казанскими купцами, побывал в царской ссылке, в эмиграции в Париже, позже стал дипломатом, бросил старую жену и женился на французской балерине, привез ее в Москву и зажил в Доме на набережной жизнью советского вельможи. «Александр Александрович оказался во главе огромной прекрасной страны, которую рабочие добыли собственной кровью. Было весело потом выбрасывать мешан из их замечательных квартир на Поварской и на Петровке и селить туда рабочих с Красной Пресни, было забавно прийти в роскошный ресторан на Тверской, положить на стол ручную гранату и заказать чай у дрожащего от страха официанта. Ему казалось, что он руководит страной и владеет ею, так почему же нынче он так боится, если не боялся с горсткой людей захватывать в семнадцатом Кремль?»¹¹. Данный персонаж автору ненавистен. В тот вечер, когда Тони Штрикер в поезде, везущем эзков в Казахстан, учится хлебать ши деревянной ложкой и заедать их черным хлебом-размазней, Александр Александрович наслаждается жизнью в столице, где его супруга сетует, что в Москве нет такой вольницы, как в Европе, где делай, что хочешь, поезжай, куда пожелаешь. И Москва — это всё же не Париж.

Говоря о причинах ненависти социалистического государства к писателю, мечтавшему о революционном преобразовании мира, чешский исследователь П. Яначек отмечал, что он «посмел правдиво изобразить строительство советского государства при Сталине, показал не только преступную ложь политических процессов, но и изнанку строительного энтузиазма, чудовищность и бесчеловечность социалистического строя. Всё это он познал на собственном опыте в Москве и на Балхашстрое, где люди работали как рабы»¹². Главная тема Вайля — это подчинение индивидуума общественной системе, несоответствие гуманистической утопии ее реализации, тоталитаризм. Причем удел его героев — это не борьба с грозной машиной власти, а

постепенный процесс маргинализации личности, вытеснение ее на задворки. «Романы Вайля, возникшие на несколько лет раньше “Слепящей тьмы” Артура Кестлера, — едва ли не первое в мировой литературе сюжетное, художественное свидетельство об эпохе большого террора в Советском Союзе», — отмечал российский богемист О.Малевич¹³. (Роман А. Кестлера был опубликован в Великобритании в 1941 г. и вошёл в список 100 лучших романов XX века на английском языке по версии издательства Modern Library.)

Другой чешский автор — Ян Вайсс (1892—1972), и его роман «Спящий в зодиаке», так же, как и «Москва-граница», вышел в том же мрачном 1937 г. Вайсс, как и многие его соотечественники, был мобилизован в 1914 г., отучившись всего два семестра на юридическом факультете Венского университета. Он был в составе австро-венгерской армии сначала на итальянском, затем на русском фронтах, в 1916 г. попал в плен и почти три года провел в лагере военнопленных под Оренбургом. Дальше были Сибирь и вступление в чехословацкий легион весной 1919 г., и лишь в феврале 1920 г. — возвращение домой. Не вернулось из России более четырех тысяч легионеров — погибших и пропавших без вести. Я. Вайссу повезло, он чудом выжил после тяжелейшего тифа. Пройдя фронтами Первой мировой он оказался в том же лагере у поселка Тоцкое, где около полугода находился и знаменитый чешский писатель Ярослав Гашек. Вайсс вступил в легион весной 1919 г., прошел спецподготовку в Житомире, но в боевых действиях не участвовал, уже будучи к этому времени инвалидом. Ему понадобится еще несколько лет, чтобы оформить свои военные впечатления. В 1927 г., когда автору было уже 35 лет, выходят сразу три его книги. Что касается отношения к России, к революционным событиям, оно было у Вайсса далеко не столь однозначно, как у Гашека. Тот сразу и безоговорочно принял революцию и написал самую, вероятно, впечатляющую книгу о Первой мировой войне. Он знал Россию и сам был непосредственным участником исторических событий. Вайсс же провел большую часть времени в бараке для пленных, а позднее в должности писаря в конторе. Тем не менее страна (а познакомиться с ней близко он особенно и

не мог, в Москве побывал лишь в 1957 г.) оказала решающее влияние на всю его последующую жизнь и творчество. Россия, которую Вайсс и не знал, стала для него манящим символом огромной силы, источником веры, явилась основой жизненного восприятия и опыта, открыла ни с чем не сравнимый мир новых измерений, непознанной души. Вайсс верил в лучшее будущее и упорно искал выход. В чехословацкой действительности 1930-х годов он не видел ничего позитивного. А Россия с ее патриархальными устоями и одновременно устремленностью в будущее окажется тем «потерянным раем», в котором Вайсс найдет истинную духовность, противостоящую промышленному Западу с его грубым материализмом. Россия новая представала перед ним во всей своей мощи, окутанная ореолом таинственности, твердо шагающая по пути к светлому будущему.

Что произошло для того, чтобы автор, переживший ужасы войны, революции, всеобщего хаоса, ненавидевший все проявления тоталитаризма, считавший русских невежественными, далекими от европейской цивилизации людьми, как показал он их в своем сборнике рассказов «Барак смерти» (1927), через десяток лет увидел в них строителей идеального общества и не заметил того, что смог разглядеть Иржи Вайль или Артур Кестлер? Вайсса легко судить сегодня, что и делают многие чешские критики, а прозорливости Вайля удивляться и восхищаться. Очевидно, что Вайль провел в Москве много лет, как член компартии знал всю ее подноготную, прошел сталинские лагеря, на собственном опыте познал многое, что было закрыто от большинства людей, в совершенстве владел русским языком. И как результат появилась книга, где открываются парадоксы советской действительности: огромные достижения экономические, небывалый размах строительства, массовый энтузиазм и убийство Кирова с последовавшими репрессиями, зловещие тени НКВД, пропасть между правящей верхушкой, их приближенными и большинством населения. В истинном положении вещей, в противоречии между самой идеей коммунизма и сталинскими методами ее внедрения не смогли сразу разобраться многие мастера культуры. У них и не было такой возможности: «если иностранные гости стремились как можно полнее узнать

о жизни в Союзе, сталинское руководство, создав многоярусную систему контроля, стремилось как раз к обратному — показу искаженной, приглаженной, благостной, беспроблемной картины состояния дел в первой стране победившего социализма. Свой посильный вклад в создание подобного образа Советского Союза вносили партийные и государственные органы»¹⁴. Не понял лживости московских политических процессов, организованных Сталиным для укрепления своей личной власти, Л. Фейхтвангер, чья книга «Москва 1937. Отчет о поездке для моих друзей» вышла в Амстердаме в том же 1937 г. Г. Уэллс в свое время отмечал, что единственное правительство, которое может предотвратить окончательный крах России, это большевистское, призывал Запад оказать большевикам щедрую помощь, так как они, возможно, сумеют создать в России новый, цивилизованный общественный строй. И хотя он признавал, что большевистское правительство чрезвычайно неопытно и неумело, а временами бывает жестоким и совершает насилие, в целом, это правительство честное. Социализм для Уэллса был путем к излечению рака, въевшегося в организм старого мира, и эта дорога виделась ему только бескровной, ведь в его представлении не было ни злой воли, ни виноватых, и люди неизбежно должны были прийти от ненависти к любви. А. Жид, не разделявший мнения английского коллеги, в своем «Возвращении из СССР» (1936) поделился горькими впечатлениями о первой стране социализма, где уже восторжествовала диктатура Сталина. Его резкие суждения внесли серьезный раскол в ряды левых чешских интеллектуалов, которые в основном видели в СССР страну, где их «завтра стало уже сегодняшним днем». Свой жесткий ответ дал и известный чешский поэт Станислав Костка Нейман, написавший «Анти-Жид, или Оптимизм без суеверий и иллюзий» (1937), где конкретным фактам у А. Жида, обнажавшего трагизм ситуации в СССР, он противопоставил лишь протестные аргументы о фашистской угрозе и рассуждения о вредном для социализма и масс трудящихся безответственном «бунте интеллектуалов». Пересмотрел свое отношение к Советской России и Р.Роллан: восторженные отклики и оправдание репрессий в 1920-е годы, после поездки в Россию

1935 г. и встречи со Сталиным и Горьким, сменились более сдержанными оценками.

Конечно, гуманистическая позиция Уэллса была Вайссу ближе всего. В период экономического кризиса, безработицы ситуация в Советском Союзе представлялась Вайссу просто сказочной. Вряд ли он знал о массовых репрессиях, да и не мог допустить самой мысли об этом. Ему виделся, сквозь тьму мировой войны, безысходного труда, нужды, приход радостной зари нового человеческого дня. И вот герой его романа «Спящий в зодиаке» Вацлав Ребенда попадает в Москву, как и герои Вайля. Но Вацлав не альтер-эго писателя, это необычный персонаж, фантазмагорический. Он человек-растение и проходит в течение года все стадии развития: от рождения через расцвет к увяданию, зимой впадает в спячку на три месяца, весной, как малое дитя, пробуждается к жизни, играет с игрушками, осенью вянет, теряет вкус к жизни, претерпевая и психические, и физиологические изменения. С другой стороны, это как бы вполне реалистично выписанный образованный молодой мужчина, работающий у крупного промышленника Лебдушки. Ребенда имеет свой рецепт спасения человечества. Его представления не имеют четкой формулировки, юноша, лишь подсознательно отвергая мир голого материализма, стремится к истинной духовности и мучается вопросами о патриотизме, цели жизни и, наконец, все свои надежды на лучшее возлагает на Россию. Вокруг России и завязывается основная интрига романа, отношение к ней становится главной осью действия. Жена Лебдушки изучает журнал «Последнее предостережение», в котором «советский рай обличается как самый величайший обман и публикуются документы о расцвете взяточничества, шпиономании и ростовщичестве. Больше всего ей нравится история о приеме в Кремле, где западный дипломат развлекается, наблюдая, как огромный таракан ползет по штанине народного комиссара¹⁵. Коммерческий директор Рудольф Ождиян пестует ненависть к Советской России, ожидая, как под кровавой пятой Ленина будет растоптана святая матушка Русь. Он уверен, что народ в России безнравственен, живет без веры, прозябает в нищете. Сначала отправляют в Москву его. Главный же герой

Вацлав пока в Чехословакии — выпускает заводскую стенгазету и публикует в ней статьи о России, о ее стремлении к миру и противостоянии фашизму, о великих открытиях простых рабочих, о славе воздухоплателей, о всемирных выставках. Он мечтает освободить человеческий род от рабского труда, сделать его счастливым. Позднее его тоже отправляют в Москву, и Вацлав вроде бы уже подготовлен своими коллегами с работы, которые твердят ему, что там «столы для иностранцев ломятся от яств, а у своих, русских, всё отнято», где «сплошь потемкинские деревни», а в клубе «пропахло дохлыми мышами, и вечно пьяный киномеханик Ванька крутит фильмы задом наперед»¹⁶. Но наш Вацлав в упоении наблюдает жизнь москвичей, ее контрасты — здесь и грязные улочки с грудями мусора и лужами, и парадные улицы, дома, как дворцы, и детсады с углубленным изучением японского языка, его завораживают темп строительства, кипучая энергия, размах. Вацлав «вместо голодающих нашел в России страну веры и труда»¹⁷. И ведь Вайсс был во многом прав. Не забывая о политических репрессиях и душной атмосфере страха, можно вспомнить и о другой жизни жителей столицы. По данным московеда Георгия Андреевского*, москвичам было чем гордиться и на что надеяться. За пять предвоенных лет в Москве была построена 391 школа, а перед войной — Центральный театр Красной армии и Концертный зал имени Чайковского. На месте Симоновского монастыря возвели Дворец культуры ЗИС (завод им. Лихачева), а в 1940 г. на пустыре, у Симоновского вала, вырос Шарикоподшипниковый завод имени Кагановича. Планы на ближайший год шли еще дальше. Нужно было построить девять школ, четыре театра, перепланировать парк имени Горького¹⁸.

Вайссовский герой пребывает в Москве вместе со своим вечно злопыхательствующим директором. В конце концов Ождиян неожиданно совершает самоубийство, завещая всё свое состояние Комитету по борьбе с голодом, потому что он

* Род. в 1940 г. в Москве, закончил юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Работал в органах правопорядка, в Генеральной прокуратуре СССР. Автор книг: Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М., 2008; Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920–1930-е годы. М., 2008; Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX–XX веков. М., 2009.

осознал, что всю жизнь ошибался, и именно у России есть будущее, а у него его нет... Писал ли это Вайсс серьезно? Вполне, хотя кажется какой-то карикатурой и насмешкой. Почему Вацлав увидел Москву городом будущего, светлой, энергичной, совершенно не тем мрачным городом, живущим в атмосфере «чисток», внушающей ужас? Причина находится в изначальном стремлении героя поверить в сказку, идеал, и поскольку ее никак невозможно было найти в реальной жизни, он уверовал, что его мечты уже реализованы в волшебном государстве под названием «СССР» и городе-сказке под названием «Москва»: «Красиво здесь потому, что я *хочу*, чтоб было красиво. Это, как картина, как симфония, как поэма... Одни в восторге, другие ухмыляются. Восторг против ненависти. Но я-то вижу, и они тоже видят. А ведь и свидетельства гениев расходятся. Шоу умилялся, Жид насмехался, Роллан благословлял, Уэллс кипятился, Барбюс преклонялся...»¹⁹. Пребывание героя в Москве напоминает сон, главный смысл его сновидений — освобождение от конфликтов действительности; рационализированности и материализму противостоит естество, «дыхание природы». Из этих снов произрастает большинство символов прекрасного будущего, образы, являющиеся во сне, намного более жизненны и живописны. И хотя Вацлав Ребенда с потрясающей прозорливостью видит падение советской империи, наша страна, Москва для него на тот момент — это молодость, жизненная сила. При всей своей патологии именно герой Вайсса с его способностью к возрождению, детской правдивостью и открытостью, верой в чудо оказывается наиболее реалистичным персонажем из всех представленных в «Спящем в зодиаке». В этом суть представлений Вайсса-гуманиста, мечтателя, убежденного в том, что мир станет лучше, чище, если люди поверят в сказку о добре и справедливости.

Такой предстала Москва 1930-х годов и два мира советской реальности у двух чешских авторов, показавших картину повседневной жизни города и страны: беспросветный мрак, страх, трагизм исторической ситуации, но и то, что приводило в восхищение, — самоотверженность народных масс, размах строительства, сила духа, дававшие надежду и веру в будущее.

Примечания

- ¹ *Borák M.* Zatajené přípravy. ČT 24-Studio 6. 4. března 2009. <http://www.ceskatelevize.cz/porady/1096902795-studio-6/209411010100304/video/72823>.
- ² Открытый список. Леонид Фрчек. [https://ru.openlist.wiki/%D0%A4%D1%80%D1%87%D0%B5%D0%BA_%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4_%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1904\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%A4%D1%80%D1%87%D0%B5%D0%BA_%D0%9B%D0%B5%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%B4_%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1904)).
- ³ *Пресняков Ю.* Предисловие // *Вайль И.* Москва-граница. М., 2002. С. 6.
- ⁴ *Вайль И.* Москва-граница. М., 2002. С. 11.
- ⁵ Там же. С. 8.
- ⁶ Там же. С. 35.
- ⁷ Там же. С. 39.
- ⁸ Там же. С. 40.
- ⁹ Там же. С. 53.
- ¹⁰ *Weil J.* Dřevěná lžíce. Praha, 1992. S. 7.
- ¹¹ Ibid. S. 43.
- ¹² *Janáček P. Jiří Weil* // Slovník české literatury. Díl 2. Praha. 1998. S. 670.
- ¹³ *Малевич О.* Об авторе романа «На крыше Мендельсон» // Нева. 2011. № 5. С. 130.
- ¹⁴ *Куликова Г.* Пребывание в СССР иностранных писателей в 1920–1930-х годах // Отечественная история. 2003. № 4. С. 59.
- ¹⁵ *Weiss J.* Spáč ve zvěrokruhu. Praha, 1962. S. 53.
- ¹⁶ Ibid. S. 164.
- ¹⁷ Ibid. S. 21.
- ¹⁸ *Андреевский Г.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930–1940-е годы. М., 2008.
- ¹⁹ *Weiss J.* Spáč ve zvěrokruhu. Praha, 1962. S. 168.